

The background of the cover is a dark, textured, abstract composition. It features a prominent vertical streak of reddish-brown color running down the center, surrounded by various shades of grey, black, and dark green, creating a moody and atmospheric effect.

Леонид Бойко

Постскриптум

*История нескольких
жизней*

Леонид Бойко

**Постскриптум. История
нескольких жизней**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27810033

ISBN 9785449003010

Аннотация

Роберт О'Брайан, молодой полицейский, переживает параллельно несколько этапов своей жизни, борясь с пучиной своей болезни, которая проецирует его воспоминания. Время все быстрее утекает от Роберта, а деспотия, царящая вокруг, все сильнее сжимает его в свои тиски.

Содержание

Книга первая	5
Пробуждение №1	5
Пробуждение №2	18
Пробуждение №3	41
Пробуждение №4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Постскрипtum История нескольких жизней

Леонид Бойко

И в отражении лужи крови

Лицо седого старика

Минута гневного безмолвья

Моя жизнь все же не легка...

Фотограф Екатерина Соколова

© Леонид Бойко, 2017

© Екатерина Соколова, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-0301-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Пробуждение №1

Все началось именно тогда.

Звон. Глубокий вдох. Почувствовав резкую и тянущую боль в голове, я открыл глаза. Непереносимая агония поглощала меня, точно пламя, захлестывая меня изнутри. Я жадно глотал воздух, пытаюсь прийти в чувства. Дыхание участилось, легкие работали на полную катушку, втягивая в себя недостающий кислород. Окружающий меня яркий свет солнца ударил по моим зрачкам так, что я импульсивно потянулся закрыть свое лицо, но сделать этого мне не удалось. Перед глазами все плыло, немного покачиваясь. Прищурившись, я с трудом смог посмотреть на свою правую руку, которая была привязана к блестящему железному поручню кровати. Кисть была перетерта до ссадин, а оголенное предплечье было покрыто набухшими синяками, напоминающими следы от уколов. Другую же конечность я совершенно не чувствовал и уже предположил худшее.

– Дьявол! Здесь кто-нибудь есть? – Кряхтел я, не понимая, как я оказался в этом ужасом помещении.

Фокусироваться на чем-то было невероятно трудно. Голова была тяжелой, и каждая мысль, посещающая меня, с тру-

дом доходила до моего сознания, борясь с глубочайшей слабостью. Я ощущал, что словно обездвижен действием болеутоляющих, которыми часто баловался в юношеском возрасте. С трудом преодолев сверкающий барьер перед собой, яркую пелену света, я начал оглядываться вокруг. Небольшая комната с белоснежными стенами, вдоль которых стояли высокие кровати. Рядом с ними стояли небольшие деревянные тумбочки из светлого дерева, на которых стояли прозрачные пластмассовые баночки с таблетками. Самая дальняя койка была кем-то занята. Человек был накрыт одеялом, таким же нежным и белоснежным, как все в этой комнате. Он не дышал, не двигался, не подавал особых признаков жизни. Мой туманный взгляд устремился дальше, осматривая помещение. Большие окна с железными решетками, промеж стеклянных пластин, во всю пропускали лучи слепящего светила, согревая нас своим теплом. Стоял солнечный день, голубое небо грациозно рисовалась своей натуральной красотой, на которую еще не покусилась ни одна злобная тучка. Любой новый фокус зрения давался мне весьма тяжело, иногда вовсе расплываясь кляксой. В центральной стене, прямо напротив меня, был встроен тонкий экран, на котором мелким шрифтом бежала текстовая строка. Вчитываться я не стал, уж слишком больно отдавало в моей голове. Повернувшись в другую сторону, я увидел широкий дверной проем, рядом с которым была какая-то электронная футуристическая доска. Такие «приборчики» я видел по телеви-

дню уже много лет. Вход был закрыт большой серой пластиной, напоминающую дверь. Она едва выделялась своими выступающими контурами. Я попробовал привстать, но почувствовал, как теряю сознание. В голове окончательно темнеет. Темнота, что мрачнее ночи, вновь перед меня под свой контроль.

– Роберт? – Окликнул теплый женский голос. – Ты опять меня не слушаешь? Ты какой-то совсем бледный.

Я понял, что загляделся в костер. Быстро переведя взгляд на спутницу, я слегка улыбнулся, чтоб как-то сгладить свою вину. Рядом сидела моя супруга и обиженно смотрела на меня оленьими глазами. Видимо я замечтался и провалился в сон прямо посреди нашего ужина. Слегка болела голова, требуя полноценного отдыха или глотка свежемолотого черного кофе. Я ощущал себя помятым постиранным бельем, до которого еще не добрались руки творца, приводя его в пригожий вид. В последнее время меня начали беспокоить кошмары. Настоящие проказы дьявола. Сны, от которых было сложно проснуться. Сны, которые пугали до глубины души. Я все чаще оказывался во мраке, находясь в глубоком небытие, на грани реальности и фантазии.

– Слушаю! Прости, уж очень сложный был день. А.. – кашлянул я – О чем мы?

События последних нескольких часов вылетели у меня из головы. Помню, что решили наконец-то выбраться на природу (Кэтрин, моя супруга, уговаривала меня на это приклю-

чение в течение нескольких недель, если не больше), как добивались до назначенного места, нахваленного друзьями моей жены (у Кэтрин был кружок, в котором они с подругами собирались раз в неделю и делились последними новостями, обсуждали вновь вышедшие книжные новинки и делились сплетнями, иногда участвуя в благотворительных социальных акциях и пикетах), подвозили попутчика, который не мог умолчать о своих жизненных достижениях (Господи, его было не заткнуть), что разбили лагерь вдоль реки, которой казалось, не было границ до самого горизонта. А дальше я видимо задремал в своем раскладном кресле, а Кэтрин разожгла костер, пытаясь разбудить меня своим диалогом. Настоящая хозяйка. Или вовсе считала, что разговаривает не со спящим мужем, как это обычно бывает.

– Мы о выборах говорили, а ты взял и уснул. Тебе так скучно обсуждать политику с женщиной? – Начала было нервничать она. – Милый, ты себя хорошо чувствуешь? Ты в последнее время сам не свой. – Ее заботой было пропитано каждое слово, она всегда переживала обо мне.

– Кэтти, честно, я очень утомился. Так за кого голосовать будешь? – Улыбаясь, я попытался перевести разговор в более мирное русло. Такие «переключения» начали тревожить меня все чаще. – Я так и не понял, какую партию вы там теперь поддерживаете в вашем кружке. Эй, ты чего? – Ее взгляд выдавал недовольство.

– Помоешь в реке посуду, и мы квиты! – Улыбнулась

Кэтрин. – Милый, я же тебе столько раз уже говорила? Начнешь слушать – поговорим.

– Договорились. Черт, мне нужно больше отдыхать. – Сказал я. Меня раздражала моя новоприобретённая рассеянность.

– Сам виноват, что сидишь до последнего на работе, как прокаженный. Ты трудишься там сутками, забыв обо всем, забыв обо мне. Ты «трудоголик», Роб, подсевший на эту иглу уже давно. Уходишь последним, приходишь первым. Это глупо. – Она попала в сто бальную мишень. Ее слова словно дротик, угодили в самый ее центр.

Я немного закипал, точно чайник. Вызвать меня на эмоции было делом одной секунды. Такая игра не стоит свеч.

– Дьявол, КЭТ! – Выругался я, не сдержав свои чувства. – Я первым никогда не уйду. Если что-то не сделаю я – не сделает никто, а ты знаешь, как для меня все это важно.

– Я понимаю, милый, но и ты пойми. Мне тебя очень не хватает рядом.

Я обнял ее и поцеловал в лоб. Я злился на себя, злился на свое состояние. Срываться на Кэтрин было непозволительно. Но, вдохнув ее аромат, все отошло на задний план. Вот оно – мое плацебо. Кэт очень приятно пахла цветами – ее любимыми барбарисами, которые так редко растут в наших краях. Очень тонкий, еле ощутимый оттенок сладких ягод. Всю жизнь, сколько мы знакомы, ее запах вызывал у меня только светлые и положительные эмоции. Видимо, это

и была настоящая любовь, любовь с первого взгляда, которая пробивает тебя до мурашек, заставляя твое сердце трепетать в предвкушении близости. Не торопясь, я встал, слегка погрел руки у костра и начал собирать грязную посуду. К моему удивлению, посуды было достаточно, что я не запомнил, как ее пачкал. Здесь были и полупустые бокалы красного вина, стаканы, заляпанные тарелки от шашлыков. В подтверждение всему был лишь набитый желудок, тяжесть которого тянула меня вниз, намекая на то, что я действительно крепко поужинал. Я собрал все в большой прозрачный контейнер и поплелся вниз к реке. Стоял теплый августовский вечер, и солнце почти зашло за горизонт. Лишь яркий луч оставлял свою сверкающую дорожку света на поверхности воды. Пушистые облака сбивались в стаю, превращаясь в массивные фигуры, отдаленно напоминающие очертания знакомых абстракций. Волны, ударяясь о берег, немного пенили воду, слегка затянутую зеленоватой тиной. Обернувшись, я увидел, что моя жена фотографирует меня на этом прекрасном пейзаже. Я попытался улыбнуться и скорчить довольную мину. Живая фотография получается: сонный муж с контейнером, полным грязной посуды, и уходящее алое солнце былого дня. Красиво?

Вскоре Кэт присоединилась ко мне и вместе мы закончили с «домашними» обязанностями. Она не могла бросить меня наедине с семейным бытом. Настоящая бойня. В этой коварной борьбе я не всегда выходил победителем, остав-

для жирные еле выводимые пятна на «вымытой» мною посуде. Вокруг нас раздавалось стрекотание кузнечиков и других ночных обитателей коварной фауны. Лес, кишасый насекомыми, птицами и животными, где каждый являлся полноценной важной ячейкой природы, воодушевлял меня. Я был городским от мозга до костей, живущий в каменных джунглях. Поэтому это «единение» с природой давалось мне с неким трудом, потому что я безумно отвык (отвык, когда и не привыкал?) от нее. Будучи редким гостем природы, посещающий зеленые уголки только по праздникам и отпускам, мне это было все в новизну, где каждое открытие отпечатывалось яркими красками в моих чертогах воспоминаний. Вскоре начал подниматься сильный ветер, сдувая нас с берега, и мы поспешили в наш лагерь.

– Нужно вбить колья, милый. – Сказала Кэт, оглядывая нашу поляну.

– Думаешь стоит? В прошлый раз мы не досчитали трети. – Бурчал я.

– Роберт! Я не хочу остаться под голым небом, когда подует ветер. – Началась злиться она. – Милый, послушай. Ради меня.

– Сейчас, дорогая. – Спорить было бесполезно, хоть я и не хотел повторения ошибок нашей первой выездки, когда от дефицита опыта мы потеряли или испортили часть снаряжения. Колья остались в земле, новый походный тент порвался, стулья, купленные у соседей с огромной уценкой,

порвались под моим весом. Устраивать демагогию с женщиной – самоубийство глупца.

Закрепляя палатку понадежнее, меня не отпускали мысли, где же я находился в том странном сне. Костер уже тлел, напоминая о себе лишь легким треском хвороста. Пока я вбивал дополнительные колья для закрепления нашего убежища, Кэтрин сообщила, что ночью будет сильный шторм, как она и предчувствовала. Многофункциональный гаджет сразу выдал нам множество графиков и полный прогноз погоды на ближайшее время, полностью соглашаясь с интуитивной «чуйкой» моей супруги. Мы были готовы к любым сюрпризам, а в самом в крайнем случае могли переночевать в машине, моей малышке, защищаясь от любой непогоды под толстыми пластинами металла. Однако у нас была договоренность не нарушать наше «единение» с природой, которое бывает итак очень редко, поэтому все было по плану: «спим на земле», используя только спальные мешки. Наша палатка была на небольшой возвышенности, чтоб не проснуться в большой луже, а вокруг были кустарники и небольшие деревья, которые немного защищали нас от ветра, который усиливался с каждой минутой. На юге и вовсе был плотный сосновый лес, окутанный легкой пеленой тумана, перетекающий в нечто большее. Сосны были на столько высокими и толстыми, что казалось, их посадили еще наши предки, прибывшие на эти прекрасные земли. Лес всегда завораживал меня до глубины души. В нем было много удивительных

тайн, опасных и диких зверей и потрясающих, не тронутых людьми уголков. Вся эта магия, царящая вокруг, бодрила и завораживала дух, заставляя вспоминать все светлое, что было в твоей жизни. По периметру нашего лагеря я расставил маленькие столбики, одолженные у тех же «соседей-экстремалов». Эти столбцы света загорались, стоит только нажать на дисплей моих наручных часов, сопряженных с ними. Они слегка освещали лагерь в то время, когда костер отдавал свои последние силы, освещая все вокруг.

– Милый? – Протяжно звала Кэт. – Я уже постелила, ты там долго?

– Сейчас, я потушу костер и приду. Подогрей матрас пока – Усмехнулся я. – А лучше вместе нагреем. Не усни только! – Я залил угли водой, и они начали на меня шипеть, точно я разбудил змеиное гнездо, бегло осмотрел полянку, проверил закрыта ли машина и шмыгнул в маленькую дверцу, плотно застегнув молнию за собой, где меня уже ждала моя любимая супруга, прячась под одеялом.

Наша палатка представляла из себя четырёхугольную пирамиду, где я мог стоять почти в полный рост. Кэтрин же могла подпрыгнуть там, я был выше ее ровно на голову. Периодически (смеха ради) я называл ее карликом или сказочным хоббитом, таящим в своем кармашке кольцо бессмертия, кольцо вечной красоты. Ведь она всегда была стройна, бодра и прекрасна. Таким женщинам как она, обладающими природной и сказочной красотой, можно было не тратить

время на то, чтобы привести себя в достойный вид, «отштукатурив» свое лицо тонной косметики. Ее чарующее величие завораживало меня по утрам, стоило лишь спросонья увидеть ее, мое сердце пело и трепетало.

Когда я снимал свой свитер, я заметил, что умудрился запачкать его в кетчупе. Жирное темное пятно. На груди было несколько бордовых капель, которые изрядно портили мой внешний вид. Туристической униформы, комбинезонов и прочего барахла у меня не было, поэтому запачкать домашний свитер было гнусным делом. В темноте померкшего света свежую бордовую кляксу было сложно отличить на дизайнерском рисунке, но я знал: отстирывать ее будет проблематично, даже в нынешнюю информационную эпоху, когда все быстрее стирается реальность между грезами и действительностью. Обнявшись с Кэтрин, я лег поудобнее и стал вслушиваться и наслаждаться (я пытался полностью отдаться этому «единению» по просьбам Кэт) природой. Как ни странно, но от ночных обитателей стоял настоящий шум. Эти зеленые букашки, которых так и хотелось обозвать похлеще, поджидали момента, когда мы сможем уединиться в палатке, устроив свой концерт по авторским заявкам. Я слышал каждый щелчок, каждый стрекот и шелест. Лесные обитатели находились в эйфории досаждая мне, подбираясь все ближе и ближе к нашей палатке. Я ненавидел их все больше и окружающая магия, и веющая ностальгия, которая едва мгновение нравилась мне, сразу растворялась

в пылу моего гнева к ним. Поцеловав свою половинку, мы обменялись теплыми словами (которые я едва выдавил из себя, пытаясь сосредоточиться на Кэтрин), поцелуями и поделились впечатлениями. Я сказал ей, что был рад, что смог покинуть полицейский пост хоть на некоторое время, позабыв о гадких сослуживцах (особенно об одной леди, которой желал гореть в адском пламени, но о ней немного позже), которые уже сидели острой косточкой в горле. Отчасти это было так. Но мне пришлось это сказать. От работы я получал все, что мне было нужно. Я был карьеристом, именно тем, кем меня называла моя супруга. Мне хотелось все больше денег, все больше власти, и я стремился к этому, оставаясь на работе как можно дольше. Один философ считал, что «власть – делает вас сильнее». Другой «Что нужно мужчинам кроме власти? Больше власти!». Этого догмата я придерживался испокон своей карьеры. Следующим моим святым правилом, что я соблюдал был приход на службу и завершение трудового дня. Уходить раньше шефа – никогда. Это было первым законом, которое я поставил перед собой, как только поступил на службу. Это понемногу давало свои плоды и судя по всему, самым компетентным претендентом на пост главы департамента полиции северо-западного района вполне могу быть я, если конечно, смогу обойти одну леди, если ее можно так назвать, которая уверенно пробивается к самой верхушке, слегка приподнимая свою мини юбку, одеваясь с каждым днем все похабнее и пошлее. Свою

карьеру она начала очень типично, для представителя такого склада ума, как она: вильнула хвостом перед шефом и буквально в тот же день оказалась с ним в ресторане, празднуя удачный поиск нового сотрудника полиции. Стоило ей появиться на собрании, как лицо шефа расплывалось в улыбке, сбиваясь с поставленных перед нами задач. Выглядело это очень глупо. А когда мы с ребятами (многие из них присоединились к моей коалиции, потому что эта леди их отвергла) убеждали наше начальство в ее некомпетентности – нас выставляли за порог кабинета, ссылаясь на необходимость в новых кадрах. Но работа не владела ею так, как владела мной. Карьера захлестывала меня с головой. Для нее это были лишь деньги на свои бесчисленные наряды или походы по ресторанам, для поддержания своего статуса в социальных сетях, выкладывая порцию новых фотографий. Людям нужно найти свое дело, куда смерть не заберет их наивную душу, и они ищут его, будь то Иисус Христос или грандиозное путешествие по Бразильским хребтам. Мы все зависимы. Мой наркотик – моя карьера.

Мы еще немного поговорили с Кэт, потом я прижался к ней как можно сильнее, закутавшись в ее длинные локоны, наслаждаясь их ароматом. Она всегда спала спиной ко мне, что иногда раздражало меня, крепко прижимаясь, ожидая моих объятий. Засыпая, пытаюсь заглушить своими мыслями звуки щебетания насекомых, которые достигли апогея своего концерта, я думал о любимом – о работе.

– Вы меня слышите? – Грубый мужской голос заставил меня снова открыть свои глаза. – Повторяю, вы меня слышите?

Пробуждение №2

– ПРОТОКОЛ. СОЗДАТЬ НОВУЮ ЗАПИСЬ. 17 декабря 59 года. Пациент все-еще не подает признаков жизни. Состояние удовлетворительное. – Чуть слышно говорил он. – Продолжить курс лечения, дозировку успокоительного не увеличивать. Запись закончена. – Боком ко мне стоял человек в белом костюме, напоминающий врача, и вглядывался в дисплей рядом с моей кроватью. В его руке судя по всему был диктофон, в который он записывал происходящее вокруг. То, что я пришел в чувство Док не заметил. Мне было не столько страшно заговорить с ним, сколько трудно открыть рот и произнести хоть что-нибудь. Силы покинули меня. Одно слово показалось мне чем-то невероятно большим. Оказывается, я был подключен к маленьким проводкам и каким-то датчиком, которые отслеживали мое состояние. На экране я увидел скелет человека и множество символов, значения которых я не понимал. Я пошевелил пальцами пристегнутой руки. Доктор переменился в лице и шустро убрал прибор в нагрудный кармашек.

– Так-с. Как вы себя чувствуете? – Он наклонился надо мной и заглянул словно в душу. – Вы знаете где вы? – Его голубые глаза въедались в меня словно два острозаточенных сверла. Такой его взгляд было невероятно сложно выдержать, и я отвел глаза, чтоб попытаться осмотреть себя

ВНОВЬ.

– Нет.. – Я выдавил из себя ответ и посмотрел на руку, которую совершенно не чувствовал. Она была полностью покрыта бинтами от самой ладони до плеча. Не попытаться воспользоваться ей еще раз было грехом, но она никак не реагировала. Окинув помещение взглядом, я помню, что просыпался здесь ранее, возможно даже несколько часов назад. Все оставалось точно таким же, как и ранее. Вокруг одни белые тона.

– Интересно... Так-с, так-с... Поговорим позже, вам сейчас нужен покой. – Доктор не торопился с вопросами и давал мне прийти в себя. Я прикрыл глаза, чтоб как-то унять головную боль. Было слышно, как он удаляется от меня быстрыми шагами, и в комнате наступает тишина. Первыми моими мыслями было то, как я попал сюда. Судя по всему, это была больница. Полагаю, что я находился в коме и совершенно не помню происходящего. Сколько я пролежал без памяти? День, два? Ребята в отделе, наверное, ищут меня. Но вдумываться и рыться в воспоминаниях было куда больнее, чем это, казалось бы, сразу. Я попытался привстать, чтоб подойти к окну и выглянуть на улицу, но забыл, что моя единственная рабочая рука была пристегнута к кровати. Разве я похож на буйного, чтоб держать меня словно зверя привязанным к своему месту?

– Эй.. – Хрипя окрикнул я лежачего соседа. Он все еще лежал в той же позе, в которой я запомнил его еще в пер-

вое свое пробуждение. Прищурившись, я убедился, что он дышит, но почему-то не слышит мой зов. – Парень! – уже громче прохрипел я. Мой голос изменился и раздражал даже самого себя.

Человек, который лежал в дальней от меня койке слегка шелохнулся. Если приглядеться повнимательнее, то можно было увидеть, что он вовсе не пристегнут к кровати в отличие от меня. Проблемы со зрением, как и раньше, влияли на картинку, иногда размазывая все передо мной. У него были седые короткие волосы, как мне показалось, и щуплая, худая спина. Окликать его парнем было ошибкой. Он неожиданно приподнял голову, словно услышал что-то необычное, и развернулся ко мне. Я увидел напуганного старика, который смотрит прямо мне в глаза. Его губы начали шевелиться, но он не сказал ни слова. Вместо этого старик развернулся и привстал с кровати. Мой спутник был скромно одет. В таком виде, он выглядел вполне по-домашнему, если не учитывать то, что мы находились в запертом неизвестном помещении. Возможно даже в психушке. Торопясь он подошел ко мне и положил мне руку на мою правую щеку. Его губы пуще начали дрожать, словно старик сейчас заплачет. Изумрудные глаза мужчины наполнились влагой и по его морщинистой щеке пробежала слеза, преодолевая седую щетину капля стремилась вниз.

– Не плачьте, пожалуйста – Я попытался успокоить своего соседа, но, когда твои руки не под твоим контролем сделать

это весьма сложно. — Почему вы плачете? — Хрипел я.

Надежда, которая загорелась в нем, когда он увидел меня впервые, начала таять. Я почувствовал это. В глазах старика промелькнула тень разочарования. Он протянул трясущиеся руки к тросам, которые приковывали меня к кровати и развязал их. Как ни странно, даже веревки в этой комнате были белые. Я несколько раз сжал кулак и протянул к нему свою руку. Старик взялся за нее и посмотрел сначала на меня, а потом быстро перевел взгляд мне на предплечье, которое я не мог разглядеть сразу. Я заметил, что на своей руке я носил небрежно сделанную татуировку. Что-то на латинском и маленькая звезда, выжженная несмываемым клеем, значение которой я не понимал. Он прикоснулся пальцем к звезде и чего-то ждал. Вглядевшись внимательнее, я понял, что у меня бледная кожа, сквозь которую выпирают жилистые пурпурные вены, которых никогда не было. Мне стало страшно. Мужчина указал сначала на мою выкованную пламенем звезду, потом приспустил плечо футболки, оголяя руку. В том же месте тускло красовалась и его аналогичная метка.

— Я ничего не помню...

Ответа не последовало. Старик все еще смотрел мне прямо в глаза, ожидая какого-то чуда. Я не знаю, сколько мы еще сидели так, смотря молча друг на друга, собираясь с мыслями, пока железная панель, являющаяся подобием двери, не приподнялась и в комнату не вошли люди в таких же бе-

лоснежных кожаных костюмах, как и все вокруг. Еще немного и они сольются со стеной и с моим нынешним зрением я их не увижу. Лишь черные нашивки разбавляли густые яркие краски. Их было четверо. Внешний вид этих людей в корне отличался от мирного, добро желающего доктора. Крепкие талии опоясывал черный пояс, на котором висела кобура – гнездо для тонкого черного пистолета. На каждом были кожаные перчатки и железный ободок вокруг головы, скорее всего являющийся средством беспроводного общения. Неизвестные окружили нас и скрутили старика, сковывая его наручниками. Они обращались с моим спутником грубо, хоть он и не оказывал никакого сопротивления. Он был слишком стар, чтоб давать отпор. Но у людей в кожаной униформе не было ни жалости, ни сострадания к трясущемуся пожилому мужчине, и один из наших гостей ударил его какой-то дубинкой прямо промеж глаз. Мой спутник все так же молчал, но теперь он закрыл свои веки. Было видно, как текут его слезы.

– Страж 07—12, уведите его в комнату для бесед. – Отозвался голос доктора откуда-то сверху. Динамики были по всему периметру потолка. – Сейчас же.

Эти «Стражи» потащили мужчину в сторону выхода, молча повинаясь этому голосу. Я попытался привстать, чтоб помочь моему новому другу, но любое, даже маленькое движение откликалось слабостью и болью. Я остался совершенно один. Наедине с самим собой. Ужасно, что так же придут

за мной и в полной тишине поведут куда-то в темноту, за железную дверь. Мне стало противно, что я не смогу помочь даже себе, когда стражи вернутся за мной. Бегущая строка впереди вновь включилась. Я начал вчитываться, чтоб избавиться от своих мыслей. Текст был довольно крупный. Даже я смог прочитать, опираясь на свое неоднозначное зрение. На экране было следующее «Монарх принял поправки. Теперь смертной казнью караются не только преступники, но и любые оппозиционные единицы. Ряды стражей были пополнены на несколько тысяч единиц. Рекруты проходят курс обучения, многие из них устанавливают имплантаты. Карательные операции продолжаются по всему северо-западу страны...» Красная строка текста начала постепенно увеличиваться и расплываться передо мной. Заиграла музыка, чем-то напоминающая наш гимн, изображение начало интенсивно мигать. Все ярче и ярче. Казалось, что в этот момент, когда кадр загорался куда сильнее предшествующего, за ним мелькала промежуточная картинка, которую я никак не мог разглядеть внимательнее. И когда это молниеносное послание, точно молния, промелькивала на экране, за ним следовал снова ослепительный кадр, не несущий никакой смысловой нагрузки. И чем чаще загоралась эта вспышка, тем сложнее мне было повернуть ход своих мыслей, словно непослушное течение, в нужное русло. Я импульсивно хотел потянуться за пультом, чтоб как-нибудь выключить дисплей, как луч света мерцающего монитора вовсе ослепил ме-

ня. Прищурившись, я попытался уцепиться за нити происходящего, словно падающий паук, который в последний раз видит свою паутину, над которой так долго работал. В голову сильно ударила все та же тянущая боль. Закрыв глаза, я понял, что с каждой минутой становится лишь больнее. Еще немного и я отключусь. Я словно батарейка, перегруженная слишком большим потоком электроэнергии. Боль пронзала насквозь, заставляя слезиться глаза. Мне нужен был толчок, чтоб как-нибудь преодолеть возникшие трудности в голове. Из-за всех сил я резко открыл глаза и понял, что нахожусь за рулем автомобиля, а прямо на меня несется огромная фура и сигналит мне без остановки.

Выкрутив руль вправо, мы резко соскочили с шоссе попутно сбивая небольшие кустарники растений, попавшие нам под колеса. Я старался аккуратно притормозить, чтоб не попасть в аварию и не получить нагоняй от моей супруги. Терпеть не мог выслушивать, как меня отчитывают. Не любил этого в детстве, ненавидел и сейчас. Даже не знаю, что было хуже, предстать неответственным и невнимательным водителем перед Кэт или отдать солидную часть накоплений за ремонт нашей машины. Сложный выбор. Цифры спидометра быстро падали, послушно повинуюсь мне. Как я мог так разогнаться? Неожиданно впереди показались камни. Я резко вдавил ногой в пол, но тормозные колодки сыграли злую шутку, не сработав вовремя и я налетел на небольшой валун. Мы остановились.

– Приехали... Проклятье!

– О мой Бог, РОБЕРТ! – Кэтрин отпустила мою руку. Она имела дурацкую привычку хватать меня в ответственные моменты, мешая переключать передачи и следить за дорогой. – Милый, ты в порядке?

– Да.. На трассу выбежал проклятый олень и я резко вывернул! Тьфу! – Мне пришлось соврать, чтоб не привлекать внимание к временным потерям памяти. Не хотелось лишний раз беспокоить Кэт. – Все хорошо, не переживай. Ты цела? Ты видела эту здоровенную отбивную?

Когда со мной что-нибудь случалось, чаще всего переживала больше Кэтрин, чем я. Будь то проблемы с зубами или прочей ерундой. Я относился к таким мелочам довольно просто, мол само пройдет. Поэтому врачей я посещал крайне редко и по действительной необходимости. Был случай, когда у меня сильно заболело сердце и я до последнего момента не вызывал скорую помощь, продолжал копаться в гараже, убирая лишний хлам. Может тогда и прошло бы само, но я рад, что обо мне позаботилась Кэт и привела целый наряд врачей, которые быстро назначили мне необходимые препараты. Оказалось, повышенный холестерин. Кэтрин припоминала мне этот случай еще долго, мотивируя меня вести более здоровый образ жизни, выставляя себя правой в нашем споре.

– Да, я цела.. Милый! У тебя течет кровь из носа! – Она кинулась рыться в бардачке автомобиля. – Держи платок! Я

только заснула как...

Я прижал его к носу и почувствовал, как он становится влажным и теплым.

– Спасибо. – Я благодарно взял ее за руку. – Пойдем посмотрим, в какую переделку мы попали. Надо же было так! Откуда он взялся, этот олень? Ты видела? – Не унимался я.

– Я задремала и проснулась лишь, когда фура начала сигналить нам. Я уж думала... – На ее лице отразился страх – ...увидимся лишь в следующей жизни. Ты очень меня напугал, милый. – Она отвернулась, чтоб я не видел ее слез.

Было темно. Где-то пела сова, заливаясь своим голосом во мраке леса. Точно я не знал, вечереет или вот-вот взойдет солнце и наступит утро, предвещая новый день. Кажется, я потерял свое время, точно так же, как и чуть не потерял сейчас свою жизнь – за считанные секунды. Даже какой сегодня день, я точно не знал. Полагаю, (мне остается лишь теряться в догадках) что наш отдых закончился, и мы едем обратно домой – в долгожданную цивилизацию. Главное не подавать виду, а дату я и в своем гаджете смогу посмотреть.

Мы вышли из автомобиля и поспешили обследовать место происшествия. К счастью, моя матовая малышка цвета хаки была в полном порядке (иначе меня бы хватил инфаркт прямо на месте) и даже не поцарапана кустарниками, сквозь которые мы ломанулись, прочищая себе путь. Левая сторона машины была приподнята. Из-под нее выглядывал небольшой валун размером с упавшее дерево. Я облегченно вздох-

нул и убрал от носа платок Кэтрин. Посмотрев на него, я впал в легкое оцепенение. Узор из цветов нарушали лишь бардовые подтеки крови. Могло бы показаться, что у платка действительно такой кровавый цвет, но нет. Чистым он выглядит куда приятнее. Думаю, мне хотелось поскорее убрать его и не показывать супруге, которую могу напрасно огорчить. Я принялся аккуратно толкать машину, чтоб та спустилась с валуна. Кэтрин сидела за рулем, слегка газуя, не позволяя мне надорваться. Когда дело было сделано, Кэтти заметила неподалеку знакомый кустарник и побежала к нему. А вернулась уже с целым букетом, сверкая в улыбке от своей находки. Это были барбарисы.

– Узнаешь?

– Еще бы! – Ответил я, потянувшись к букету. – Видишь, во всем есть свои плюсы. – Я во всю вдыхал аромат ягод.

– Вкусно? – Улыбнулась она. Ее улыбка все еще дрожала после небольшой аварии. – Так хочется попробовать эти конфетки сейчас. Ты помнишь этот вкус? Вкус детства... – Повторила она. – Я так проголодалась. Давай заедем в супермаркет по дороге?

– Точно не вкуснее тебя! – Я обнял свою Кэт. – Давай, я не против. Я тоже очень хочу есть, когда мы в последний раз останавливались на привал? Если бы я встретил сейчас кабана, клянусь, я бы откусил от него сырой кусочек. Или может догоним того оленя?

– Утром, ты забыл? Ты опять так спешил в город, что ско-

рее начал собираться, как взошло солнце.

– Просто у меня столько дел... – Я догадывался, куда я мог так спешить. Признаваться о моей потере времени я был еще не готов.

– Милый, у тебя всегда столько дел. – Ее очень задевало то, что я не всегда успеваю ей дать столько внимания, сколько ей было необходимо.

– У меня действительно много работы. У меня сейчас очень напряженный график. Ты же знаешь, милая.

Мы уселись в автомобиль, и я потянулся к металлическому термосу, в котором должно быть кофе. Я всегда завариваю его, чтоб пить в дороге и контролировать ситуацию, окружающую меня. Привычка такая. Забавно, что сейчас это не сработало. В последнее время со мной что-то неладное. Потеря времени, рассеянность, мигрень. Этот список можно было бы перечислять целую вечность, описывая мое состояние. Нужно ли идти к врачу? Нужно. Стоит ли зря беспокоить супругу своими болячками? Определенно нет. Глоток ядрёного кофе освежил меня, разливаясь своим теплом по моему оголодавшему желудку. Сам вкус сего напитка очень даже по душе. Дешевый вкус жаренной арабики. Хоть все вокруг и трещат о вреде кофеина, останавливаться пить его не собираюсь. Мое сердце, как камень. И да, меня он бодрит. Редкость.

– Давай я поведу? А ты отдохнешь. Ты уже девять часов за рулем. Милый, я переживаю, что опять что-нибудь слу-

чится.

— Мне не хочется спать, совершенно. Честно. Не волнуйся, Кэт. — Я провел рукой по ее щеке. — Обещаешь не волноваться? Я знаю. Да я знаю. — Я словно читал ее мысли. — Все будет хорошо.

Она ничего не ответила и потянулась к своим журналам, составляя мне компанию на оставшемся участке нашего пути. До города было несколько часов. Внимательно уставившись вперед, я задумался над тем, что же происходит со мной и как взять узды правления над этими скачками моего сознания. Я принялся вспоминать, то почему я опять не помню события, предшествующие тому, как я очнулся. Помню, как ложился спать. Потом этот немыслимый сон про больницу. Жуткое белое помещение, немой старик, люди в белом, новости... Где же я видел этого человека? Лицо было больно знакомое, но мое воображение сделало его уж слишком старым, что узнать в нем кого-то было невозможно. Сейчас бы на прием к доктору Фрейду, чтоб потолковать о моих сновидениях, узнать значение. Но этот сон же снится не первый раз... Может записывать свои сны, пробуя истолковать их самому? Окажется как фильму, что мои сны что-нибудь да значат. Заведу дневник, куда я смогу излагать свои мысли, описывать происходящее. Да, пожалуй, так и поступлю. Сегодня заедем в магазин, и я присмотрю что-нибудь себе. Хотелось бы, чтоб мои мысли никто прочесть не мог. НИКТО. Даже Кэтрин. Кодовый замок вполне подойдет. Ну

или ключик. Будет плохо, если кто-нибудь из сотрудников нашего отдела, узнает про то, что у меня какие-то отклонения. Лишат значка – останусь без престижного места, на которое так рассчитываю попасть. Работа – мое все.

Всю дорогу до города я провел в раздумьях. Ноги немного затекли и уже изрядно просили отдыха. Хоть электромашин, оснащённых автоматическим управлением, достаточно, в этом вопросе я оставался консерватором, пользуясь немного устарелой концепцией вождения, опираясь только на свои навыки. В наше время по статистике лишь пять или десять процентов автоматических автомобилей попадают в аварию, когда остальная масса, таких же упрямых, как и я, остается со своей машиной до конца жизни. До намеченного магазина оставались считанные минуты, и я мысленно составлял список покупок, чтоб сэкономить лишнее время. Когда я обернулся за советом к Кэтрин, то обнаружил, что моя супруга уснула прямо за чтением своего журнала, откинувшись на своем кресле немного назад. И остаток своего маршрута, я пытался вести большее аккуратно, чем обычно, объезжая каждую кочку, чтобы Кэтрин могла немного поспать и набраться сил. Супермаркет, в который мы планировали зайти работал круглосуточно, что гарантировало отсутствие очередей в такое время суток. К сожалению, никто еще не оптимизировал процесс торговли и не начал полноценно использовать роботов на кассе (на востоке простейшие роботы с развитым искусственным интеллектом исполь-

зуются повсеместно), полагаясь на человеческий труд, который был куда дешевле (если дело шло об эмигрантах, к которым у всех было неоднозначное отношение), поэтому я терпеть не мог магазины в светлое время суток – толпиться с одной-двумя покупками больше часа было невыносимо трудно. Мы проезжали новоиспеченный и отполированный пост КПП, когда неожиданно прозвучала полицейская сингалка. Я аккуратно припарковался у обочины, вспоминая про себя, куда я положил свое удостоверение личности. Оглянувшись на свою жену, я понял, что она все еще спит, нежно пребывая в стране грез. Если не спасет моя «корочка», то придется раскошелиться, по-моему, я переусердствовал и превысил установленный скоростной режим.

– Выйдите из машины. Добрый вечер. – Серьезно сказал подходящий к автомобилю офицер. – Точнее доброй ночи. Выйдите. – Сказал он, а после представился, как полагается должностному лицу.

Я поспешил последовать указаниям и вышел из машины, аккуратно хлопнув дверьми, дабы не разбудить Кэт. Посмотрев на шевроны своего собеседника, было понятно, что передо мной стоит капрал в новехонькой и наглаженной форме. Блестящие медали, полученные в училище, так и блестяли на его груди. Одну из этих наград я узнал, так как владел абсолютно такой же: «За боевой дух и отличную учебу». Этот юноша хоть и молодой, но уже перспективный, так как до его звания некоторые горбятятся годы, чуть-ли не подно-

ся кофе своему начальству или не приподнимая юбку, как я уже рассказывал выше. Ростом он был дюйма на три больше меня, что давало ему маленькое моральное преимущество. Вдохнув полной грудью, я нащупал документы в нагрудном кармане и демонстративно вытащил их, великолепно зная, что являюсь рангом выше, чем он.

– Ваши документы, спасибо. – Не открывая мое удостоверение он потянулся к рации и что-то неразборчиво сказал, вызывая у меня лишь догадки. – Так... посмотрим. – Сказал он, пригладив свою прическу, над которой, как мне показалось, работало несколько парикмахеров.

– Роберт О'Брайан. О.. – Он прищурился, видимо заметил, что я работаю в полиции. – Спасибо за сотрудничество, сэр. Вы не могли бы проследовать за мной?

– Капрал, я что-то нарушил? – Ехидно упрекнул я. – Какова причина моей остановки? – Следуя законодательству, офицер обязан был проинструктировать меня о положениях, которые я нарушил на дороге и доложить мне обо всем с самого начала нашего диалога.

– Пройдемте, все узнаете внутри. Общий инструктаж, так сказать.

Как только мы подошли к дверям кирпичного здания, когда из него вышли несколько человек, одетых в черные плащи. На их лице было смятение. Пройдя по бесконечно длинным коридорам, стены которых были украшенными портретами разыскиваемых преступников, мы вошли в малень-

кий кабинет, где меня жестом попросили сесть в кресло напротив стола. В комнате было слишком светло, хоть за окном и была глубокая ночь. Все вокруг было такое надраенное и новое: чистые окна, белоснежный кафель на полу, сверкающий револьвер, который плюхнулся на стол. Мужчина сел за свое рабочее место и, открыв ящик стола, вытащил какие-то документы. Папка казалось невероятно большой. Он достал какой-то лист и положил передо мной. Я мимолетно окинул взглядом заголовок, в котором было написано следующее: «АКТ №2092, подписка о неразглашении, подписка о явке.»

– Сара, Роберт О'Брайан. Проверить. Прием. – Потянувшись за рацией сказал он.

– Роберт. Могу я вас так называть? – Он обратился ко мне, предложив сигару на его столе.

– Дин. – Глухо отозвалась рация. – Уже нашла. Минуту.

– Да, конечно. Офицер, в чем дело? – Мне уже хотелось покончить со всем этим. Все происходящее меня пугало.

– Все хорошо, не переживайте. Вы ничего не нарушили. Еще не нарушили. – Вчитываясь в листы бумаги говорил он. – Вы знаете, что вся страна готовится к выборам? В Вашем участке уже провели профилактическую беседу?

– Офицер, в чем дело? – Мне не хотелось говорить на лишние темы с офицером, чтоб как-то скрасить ему скучную ночь. – Про голосование знаю, беседы никакой не было. – Бегло отвечал я.

– Нашла. – Вновь заговорила рация. – На него ничего нет, пустой. Отсылаю его профиль тебе. Конец связи.

– Конец связи, спасибо. – Он повесил рацию обратно на пояс. – Роберт...

– Так что? Я пошел? – Перебил я его.

– Мне бы хотелось попросить вас в **ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ** – подчеркнул он высокой интонацией – посетить свой избирательный участок в установленный заранее срок. – Монотонно сказал он, уставившись в экран своего компьютера, словно эту заготовленную речь он повторял на протяжении всего дня. В его голубых глазах отсвечивались блики монитора. – В этом году очень важно, чтоб все население страны участвовало в выборах. Указ свыше. – Он показал пальцем вверх.

– Послушай, для меня карьера – самое главное. Я обязательно бы пришел. Я слышал мой отдел пойдет в гору, если один из них добьется своего. Меня уже давно заинтересовали их игры.

– Замечательно, тогда чего теряем время? – Он пытался выдавить из себя улыбку. – Подпишите этот бланк и вы свободны. Тут сказано, что Вы поручаетесь не пропустить голосование в этом году. В противном случае заплатите солидный штраф. И да... Данный акт конфиденциален. Вы должны понимать всю глубину проблемы. Президент **ДОЛЖЕН** быть выбран. Народ **ДОЛЖЕН** показать свою явку. – Во время всего диалога он имел странную привычку постоянно по-

правлять свою уложенную вправо челку, смотрясь в настольное зеркальце.

– Давайте, поглядим... КОНФЕДИЦИАЛЬНО. ИНСТРУКТАЖ №2092 – Вслух начал читать я. – Я такой то, такой то обязуюсь прибыть по месту жительства в поставленный участок для голосования и отдать свой голос за своего кандидата... бла бла бла.. – Обезьянничал я.

Когда лист был подписан, я жестом снял воображаемую шляпу и поспешил к выходу. Меня переполняли гневные эмоции, что потратил свое время на такую чушь. Я бы в любом случае посетил выборы, даже если бы умирал от рака. Именно в этот раз я видел перспективу в выборе кандидата, который мог улучшить качество жизни всей страны. Повышение зарплаты, дополнительные мед. услуги, проблемы с эмигрантами, с экологией! Предвыборная агитация обещала многое и меня это устраивало. Они говорили и покрепляли свои слова аргументами, устраивали крупные мероприятия, митинги, собрания. Раскрывали коррупционные схемы, сажали конкурентов за мошенничество, устраивая охоту за любым депутатом, погрязшим в коррупционные аферы. Я хотел рискнуть и отдать голос за многообещающую партию, хоть это было и слишком самонадеянно и наивно. Но кто, кроме них? Так звучал их слоган. Хотя партий и направлений было предостаточно.

Приблизившись к машине, я понял, что моя жена уже не спит. Она смотрела на меня глазами, в которых чита-

лось непередаваемое волнение, стараясь скорее поговорить со мной о случившемся. Я сел в машину и успокоил ее, что волноваться не о чем. От всей той ерунды у меня начала болеть голова и я попросил старые добрые болеутоляющие, которые Кэт наивно прятала (не стоило ей рассказывать о моей юношеской зависимости) в своей дамской сумочке. Запив таблетки остывшим кофе, я повернул ключ зажигания, и мы продолжили свой путь. Огни ночного города очаровывали меня, и я наслаждался обволакивающей нас красотой. Вдоль дороги горели яркие лампы, освещая все вокруг медовым светом, который проливался на цветущие деревья и кустарники. В небе, прямо напротив нас, горел одинокий месяц, тоскующий (по преданию) по своей любимой звезде, которую спрятали по другую сторону Земли. В многоэтажках редко горел свет в такое время суток и одинокие вспышки света где-то в небе удивляли своей высотой. Я погрузился далеко в мысли, вспоминая, как в детстве с моим братом часто забирались на крышу нашего дома. В особо темные вечера мы ложились на холодную крышу, уставившись высоко в небо, на звезды. Каждая мерцающая точка завораживала нас до глубины души. И мы мечтали. Мечты – наше спасение.

– Красиво, правда? – Кэт прекрасно чувствовала меня.

– Тебе нравится? – Мы перекинулись взглядом. – Я люблю такие ночи. Очень спокойно на душе становится. – Она поцеловала меня в щеку. Теплые нежные губы любимой же-

ны прикоснулись к моей небритой щеке.

– Да, очень.

– Я вспоминаю Тома в такие вечера. Я по нему действительно скучаю.

– Позвони сегодня своему старшему брату. – Предложила Кэт. Я был средним ребенком в семье, которому приходилось довольно туго. Выживать с братьями иногда было настоящим испытанием, с которым приходилось справляться чуть ли не каждый Божий день. Жестокие битвы за внимание, кровавые схватки за последний кусочек маминого пирога, пылкие сражения за пульт от телевизора. Но, в целом, мне всегда было чем заняться. Я любил их, не смотря на наши конфликты.

– Он опять не возьмет, у него столько работы в министерстве.

– Это у вас, наверное, семейное. – Сказала она, отвернувшись в сторону окна. – Он как был говнюком, так и остался. Двадцать лет прошло, а он ведет себя как тот же четырнадцатилетний обделенный мальчишка с переходным возрастом и максимализмом. Хоть бы раз позвонил сам, поинтересовался, как ты. – Кэт жила на самом конце нашей аллеи и была знакома с нами с самого детства. Лет до четырнадцати, конечно, я старался не подпускать эту девчачью мелочь к себе, но потом так получилось, что мы сблизились, а после поженились.

– Да перестань! – Стараясь не отвлекаться от управления

автомобилем, я прислонил свободную руку к ее щеке. – Все мои труды – это ради нас. Ради нашего будущего.

– Ради нас потом. Но не сейчас, Роб. Мне не хватает тебя сейчас. Мы так мало времени проводим вместе.

– Это временно. У нас за одно пикантное место проходят настоящие гладиаторские бои. Эта сучка, о которой я тебе говорил, вот-вот меня обставит.

– Я вижу тебя только перед сном. Этого мало? – Не унималась она.

Я промолчал.

Спустя какое-то время дорогу перегородило предупреждение о том, что впереди ведутся подземные строительные работы и ближайший участок магистрали временно не доступен. Движение было перекрыто прозрачной железной сеткой, отделяющий нас от супермаркета. За этим хлюпким забором, натянутым по всему периметру, копошились строители, крича на непонятном, слегка мелодичном для меня языке, ведя диалог между собой. Стоял глухой гул, доносящийся из-под недр земли, точно огромная дрель пронизывает нашу планету насквозь. Выразив негодование едким словом, нам пришлось совершать длинный крюк, чтобы добраться до назначенной цели.

Мы подъехали к супермаркету под названием «Волмарт» и припарковались поближе к выходу. Эта торговая сеть захватила рынок и пустила корни во все отрасли торговли: от рядовых потребностей до действительных необходимо-

стей. И как же они умудрились преодолеть закон о монополии? О конкуренции на рынке в нашем обществе не могло быть и речи. Покупатели не имели выбора, а любые стартапы, любой малый бизнес захлебывался под бесконечными распродажами и «черными пятницами» этой сети. Волмарт и только Волмарт. Хоть посетителей было мало, бесплатные парковочные места были заняты вблизи живущими обитателями, не желающими оставлять машину в гараже, которые еще не подверглись сносу, или на платной стоянке под землей, которая стоила баснословных денег. Хоть глубина подземных парковок уходила на многие сотни ярдов вниз, пользоваться ими могли лишь представители среднего класса – иными словами меньшая половина. Всегда удивлялся тому, как люди могут оставлять дорогостоящую машину, на которую изрядно пришлось подкопить, на общедоступной, неохраняемой парковке.

Я слегка обнял свою жену за талию, когда брал тележку для продуктов. Спустя мгновение меня ударила резкая боль в голову, что сильно потемнело в глазах. **ВСПЫШКА БОЛИ.** На меня словно обвалилась лавина, дробящее мое сознание на мельчайшие кусочки. Мысли начались путаться, я не мог открыть глаза и посмотреть перед собой, не мог произнести ни слова. Я сильно сжал челюсти, мучаясь и кряхтя. Падая на землю, я почувствовал металлический вкус во рту. Я захлебывался кровью. Своей кровью. Меня окутывает непроницаемой черной пеленой.

– Зачем ты это сделал? – Я услышал чей-то властный и грубый мужской голос, совершенно не знакомый мне. Я ничего не видел. Я был словно в тумане – Зачем? – Громко уже выкрикнул он. – ЗАЧЕМ? – Я почувствовал резкий удар по правой щеке. Я почувствовал, как меня ударили еще раз, но не мог увидеть это.

Пробуждение №3

Нагнетающий мрак словно сдавливает меня изнутри, заполняя меня страхом, словно шарик сжатым воздухом. Может я сплю? Тогда я сейчас же хочу проснуться! Очнуться в магазине, в котором потерял сознание, в котором меня ждет моя Кэт. Становится холодно. Я явно чувствую легкий мороз, который подбирается ко мне все ближе и ближе. Холод слегка касается моей ноги, я чувствую, как он пронзает ее насквозь и поднимается выше. Чувствую его коленями, грудью. И наконец, он полностью поглотил меня. Вдалеке я слышу детский крик. Я не в силах повернуться, не в силах помочь зовущему на помощь ребенку. Я весь дрожу, как осенний лист. Где же Кэт? Где же она? Почему она не будит меня? Крик становится невероятно громким. Мне страшно и холодно. Кажется, я умираю.

– Почему вы такой упрямый? – Вспышка света и передо мной сидел коренастый широкоплечий мужчина в кожаном белом костюме без шлема, который обтягивал каждый контур его мышц, и перелистывает книгу в своих руках. Судя по его нашивкам, мне показалось, что передо мной сидит офицер. У него были черные глаза, длинные пепельные волосы, собранные в хвост. Мне показалось, что он родом из дальневосточных стран. Его перчатки, которые укрывали здоровенные кувалды, испачканы кровью, а местами из-под

образовавшихся дыр виднелись костяшки. – Вам повезло, что вы нужны нам живым... – Пауза, он перелистнул страницу. – В противном случае вы были бы стерты так же, как и ваши спутники. Мы сотрем ВАС ВСЕХ. Всех до единого. – Он оторвал взгляд и устремил его на меня. – Вы будите сотрудничать или нет, мистер О’Брайан? Мы же на Вашей стороне. Когда у вас чуть ли не остановилось сердце – наши врачи спасли вас. И все что нам нужно – информация. Вы поделитесь ею?

Я сидел в маленькой комнате, по периметру которой висели огромные зеркала. Наши отражения повторялись и повторялись вновь, десятки или сотни раз. Помещение не имело прямых углов, имея странную форму, а мы сидели в самом центре комнаты. Большая зеркальная сфера. Зеркала были и на потолке, прямо над нами. Подняв голову выше, в своем отражении я увидел человека, которого не мог узнать. Мужчина, чьими глазами я смотрел – был не я. От моей молодости, казалось, меня отделяла вечность. Целая пропасть разделяла нас. Едва посидевшие волосы, обвисшее лицо, выцветшие глаза, потерявшие свой насыщенный цвет. Роберту, которым я являюсь исполняется 27 лет. Что могло случиться за все это время, что возраст вонзил в меня свой клинок?

– Боже... – Выдавил я из себя едва шевеля губами. Я отказывался верить в это. – Что вы со мной сделали? – Я прислонился рукой к влажной от крови щеке.

– Я даю последний шанс, О’Брайан. Я не хочу Вас бить,

понимаете?

– Пойдите... где я? – В панике кричал я, когда наконец пришел в чувства после очередного пробуждения.

– Вы? В месте, откуда можно выбраться лишь помогая мне.

– Но как я здесь оказался!

– Я уже устал от Вас и Ваших игр. – Мужчина убрал книжку куда-то в нижний ящик стола, который разделял нас. – Я расскажу вам историю. Меня зовут Мухамед Джара. Когда я был маленьким, ваши военные прибыли ко мне в деревню и убили всех мужчин. Они не могли найти кого-то и когда совсем разочаровались, то выместили злобу на нас. Когда сражавшиеся мужчины деревни погибли, один из солдат подошел ко мне и дал мне в руки пистолет, приказав добить одного из наших людей. И тогда я выстрелил первый раз. В семь лет я убил впервые. И с тех пор убивал не один раз. Роберт, я обращаюсь еще раз с вопросом, Вы расскажите мне все?

– Сказать, что вам сказа.. – Я не успел договорить, как в эту же секунду мне прилетело промеж глаз, что я упал со стула. Приземлился на больную руку, которая по ощущениям уже болталась на ниточке. Никакие манипуляции и мои команды не помогали реанимировать ее, я так и остался лежать. Еще один резкий удар в живот. Я почувствовал острый конец его ботинка и кашлянул кровью, корчась от боли.

– Расскажите мне все! Мне нужны имена! Детали! – Он

не унимался, добивая меня ногами. Я уже не чувствовал боли, не видел помещения, не видел ботинка, который втопты-
вает меня в землю. Мои мысли были об одном – о моей уга-
сающей жизни.

Я молчал, отстранившись, смиренно принимая удары, как
и полагалось христианину вроде меня. Боль заглушала его
голос, в ушах начал нарастать звон. Я задыхался и кашлял.

– УВЕСТИ. – Закричал он с небольшим акцентом,
но все же он прекрасно выучил мой родной язык.

Боль множило мою ненависть к этому человеку, и я по-
клялся, что он ответит за содеянное. Злость во мне кипела,
но выплеснуть ее было не под силу. Мой огонь был заточен
и задавлен бременем заключения.

В комнату вошли несколько человек в местной форме
и утащили меня прочь по пустому коридору, заламывая мне
руки. Сопротивляться не было сил. Я чувствовал себя сухой,
выжатой губкой. Один из них сильно сдавливал больную ру-
ку, полностью контролируя меня и держа в узде, словно за-
битого плетью коня. Сейчас я находился на месте того ста-
рика, который был моим прежним соседом по комнате. Его
образ не покидал мои мысли, его внешность, до боли знако-
мое лицо, его горечь от того, что я не понимаю о том, что он
пытается донести до меня. Вскоре меня доставили в ту па-
лату, в которой я лежал ранее и грубо толкнули вперед, что
я упал, едва не долетев до своей кровати. Пластина, выпол-
няющая роль двери захлопнулась, и я остался совершенно

один. Спальное место, на котором лежал мой спутник, пустовало, но на тумбочке все еще стояли его лекарства. Зрение все еще не вернулось ко мне и все по-прежнему плыло. Я интуитивно направился в сторону окна, совершенно не понимая, где и главное, когда я нахожусь. Подойдя поближе к окну, я слегка приоткрыл рот от увиденного. Зрение немного прояснялось, хоть по-прежнему я смотрел через небольшую дымку в глазах. Пейзаж невероятно пугал. Я находился невероятно высоко над землей, словно в какой-то башне, что люди напоминали расплывчатых черных муравьев, насколько конечно, я мог их увидеть. Соседние здание, все как одно, были отражением друг друга: серые многоэтажки с завешанным окнами там, где еще оставались оконные рамы. Во многих квартирах эти проемы пустовали и был виден хаос, устроенный в их убежищах. Небо патрулировали огромные вертолеты, я различил несколько по всему горизонту, что открывался мне с моей башни заточения. Проектора, установленные на них, ярко освещали темноту под собой, контролируя местных насекомых, спешащих по своим делам. Было любопытно, что стоило лучу света опуститься на толпу проходящих людей, как они ускоряли свое движение, заходили в местные подъезды или завешанные магазины, чей мрак скрывал их от наблюдения свыше. На каждом сером жилом монолите был вывешен огромный плакат, на котором было изображено чье-то изображения. Наверное, это был портрет вождя. Человека на этом плакате я знал,

но не мог вспомнить, кто он. Так же везде были расклеены оповещения поменьше, в котором было что-то написано. Но с моим нынешним зрением текст оказался для меня скрыт в тумане неизвестности. Неожиданно внизу раздался шумный треск, как я увидел проезжающую мимо машину, напоминающую танк, под гусеницами которых ломался всякий мусор, попадавший ему на пути. На дорогах было намного меньше автомобилей, чем это было, казалось, мгновением раньше, когда я вез Кэтрин к себе домой. Поэтому эта машина двигалась совершенно спокойно, не останавливаясь ни перед чем. За танком шли люди в белоснежной униформе и раздавали какие-то крупные листовки или газеты, разглядеть точнее было трудно. И все прохожие, как один, стоило солдату подойти к ним, брали макулатуру и поспешно удалялись, едва кланяясь военным в ноги.

Один великий человек сказал, что все люди рождены меж собой свободными и равными. Я придерживался этой догмы всю жизнь и не понимал, почему меня держат здесь, как военнопленного или заключенного, издеваясь и мучая меня. У меня ведь тоже есть права! Они должны хотя бы позволить сделать мне хотя бы один звонок моей семье. Звонок, который может освободить меня или облегчить пребывание здесь, согласно законодательству, которые я знал досконально. Будучи полисменом, я прекрасно разбирался в этой сфере и видел, как яро они перешагивают линию закона, избивая своих заключенных. Я добьюсь этого любой ценой.

На душе было чертовски плохо. Лицо горело от синяков, покалывало пульсирующей болью. Во рту был полюбившийся уже металлический вкус. Я все еще не мог смириться с тем, что я – старик, жизнь которого держится на волоске. Если бы я мог помочь им, то я все равно бы не сказал ни слова. Пусть подаваться. Пусть убьют меня. Судя по всему, мне осталось не долго. Но для меня было важно вспомнить все то, что я пережил. Вспомнить СВОЮ жизнь. Жизнь, которую я потерял.

Над изголовьем кровати был маленький монитор, которого я не замечал. Я поплелся к нему в надежде узнать что-нибудь. Было сложно понять, как работает эта машина. Я несколько раз нажал на сенсорный экран, но из этого ничего не получилось. Картинка все еще горела слабым монотонно бежевым светом. Вытащить монитор тоже не получилось, зацепить его чем было невозможно. Я корпел над ним еще минут десять, пока не вспомнил о голосовом дистанционном управлении.

– ВКЛЮЧИТЬ. – В моей молодости были только прототипы таких машин, но я следил за всеми инновациями. Я любил копаться в устройствах, разбирать их, узнавать что-то новое. Но не всегда удавалось собирать то, что легко разбирал на составляющие. – ВКЛЮЧИТЬ. – Еще раз четко сказал я, но машина не повиновалась.

Я пробовал еще с десятков голосовых команд, пока меня не осенило.

– ПРОТОКОЛ. – Кряхтел я.

Звуковой однократный сигнал. В эту же секунду на экране появилось меню, цветовая палитра стала немного светлее. Я нажал на вкладку истории болезни, а потом выбрал свое имя. Но дальше меня не пустило. Для продолжения работы необходимо было ввести пароль на экранной клавиатуре.

– Черт тебя дери! – Крикнул я, стукнув ладонью по стене.

Я услышал приближающиеся шаги и голоса, доносящиеся из-под пластины, выполняющую роль двери. Сердце заколотилось. Я не знал, как вернуть состояние монитора в изначальный серый фон. Было страшно, что меня застукают за взломом. Руки начались трястись сильнее, я нервно перебирал вкладки, пока не нашел нужную. От стресса поднялось давление. Контуры начали плыть. В голове, словно приближающийся поезд, начал нарастать звон, поглощающий меня. Все сильнее и сильнее. Все громче и громче.

– Роб? Роб? – Я услышал голос своей жены. Ее тоже держат в заточении? Ее голос словно доносился из далека.

– Кэт! – я закрыл глаза, потому что давление на зрачки давили с такой силой, что я с трудом держался в сознании. Если это можно так назвать.

– Роб, ты здесь?

– Кэт! – уже на последнем выдохе закричал я – Кэт, я здесь!

Глубокий вдох. Я открыл глаза в своей (в нашей с Кэт) квартире. Здесь все было иначе. Наша двухкомнатная квар-

тира-студия словно преобразилась. Первое, на что я обратил внимание, так это высохший букет барбариса, краски которого давно увяли. Его ягоды почернели, а листья свернулись и практически все опали на подоконник. Бремя времени убило и наш букет, сорванный моей Кэтрин в день нашего возвращения из небольшого путешествия. Казалось, что стоит подняться небольшому ветру, и он сдует пылью это растение, и мы больше никогда его не увидим, оставив его в памяти навсегда. Я встал с дивана и оглянулся: легкая перестановка мебели (диван теперь стоял в центре перед телевизором), новый фарфоровый чайный сервиз на столике, на стене теперь висели фотографии с нашей прошлой поездки. Что осталось прежним, так это то, что телевизор работал в любое время суток, спим мы или занимаемся любовью, нас сопровождали голоса из телевиденья, это делало нас не такими одинокими. Одиночество только усиливает ощущение ненужности. Можно вынести любые страдания, кроме одиночества, от которого человечество еще не успело придумать лекарств. Конечно, если не брать в счет зомбирующих передач по ТВ.

– Ты чего? – Сказала Кэт, подойдя ко мне поближе. – Ты чего не отвечал?

– А? – Откликнулся я. – Прости...

– Ты меня пугаешь. – Она сощурила свои прекрасные глаза. В глубине ее дивных глаз казалось можно было искупаться, ныряя в нежных оттенках вечно голубого сияния. – Ро-

берт Джон О'Брайан, что ты натворил!?

– Со мной что-то происходит. – Я попытался отвернуться, чтоб она не видела моих эмоций. – Да, я тебе этого не рассказывал. – Я словно прочитал ее мысли. Иногда я чувствовал то, что она хочет мне сказать. Опережая ее вопрос, мой ответ почему-то пугал окружающих.

– Ты о чем? – Она присела на диван и уже начала беспокоиться. Я еще никогда не жаловался ей на себя. Она ведь ВСЕГДА была инициатором моих походов к врачам. – Ты заболел? – Ее голос переменялся и стал крайне нежным и заботливым.

– Я..Я.. – Сложно было подобрать слова. – У меня проблемы с памятью. В последнее время я теряю нить происходящего. – Я прислонил руку к своей щеке. – Например, я могу быть на дежурстве, перелистываю материалы по расследованию, читаю документы, закрываю глаза и БАЦ! Вспышка! Я УЖЕ ДОМА, КЭТ. Часы, сутки могут пролететь, и я не вспомню, что я делал. Я даже не знаю, какое сегодня чертовое число!

– Роберт...

– И еще мне часто снятся какие-то страшные сны... Сны, которые словно наяву!

– Боже мой, тебя нужно показать врачу. Я сейчас же спрошу у девочек, к кому тебе нужно обратиться. – У нее было слишком много друзей, с которыми они постоянно устраивали какие-то встречи и прогулки. Иногда эти связи были

полезны. – Кажется муж Алекс врач. – Она нервно подбежала к записной книжке и начала ее перелистывать.

– И раньше такое было... но не так, как сейчас. Кажется, эта штука внутри меня прогрессирует. ОНО берет меня под свой контроль.

– Раньше? Почему ты мне об этом не сказал? – Она прислонила телефон к голове, набирая неизвестный мне номер.

– Да. В детстве, после той... катастрофы, я иногда залипал в стрессовых ситуациях, словно баррикадируясь от них, я не помнил ничего. Но это было раз в несколько лет. Иногда я и вовсе забывал, что «болею».

– Алекс? – Она все-таки дозвонилась. – Привет, слушай, тут такое дело... Илья сможет принять нас сегодня-завтра? – Пауза. – Да, да. Спасибо.

– И самое страшное, что иногда мои сны сбывались.

– Роб. – Она приобняла меня со спины. – Ты поправишься. Я с тобой. – Она посмотрела мне прямо в глаза и своим чарующим взглядом, наполненным любовью и заботой позволила успокоиться и забыть о моем недомогании.

На следующее утро мы уже ожидали Илью в прихожей первой городской больницы. От скуки я разглядывал людей, помещения, коридоры. Все стены вокруг нас были окрашены в нежно-бирюзовые тона, напоминающие дневное небо. Этот оттенок явно успокаивал, отгоняя дурные мысли. По всему периметру стен стояли кресла, в которых, ожидая своей очереди, дремали пациенты. В каждом углу, словно по фен-

шую стояли декоративные искусственные растения, имитируя жизнь в доме смерти. Невероятно. В воздухе ощущалась смерть и все это чувствовали. Все были напряжены. Многие из сидящих в этом зале не доживут и этот год, многие могут умереть в любой момент, так и не узнав, сколько им осталось. Но, возможно, всем людям осталось жить одинокого: неизвестно сколько. Каждый день в мире умирают сотни или даже тысячи людей, но каждый из нас (если он, конечно, в себе) пытается прожить как можно дольше. Я встречал многих людей, которые напрочь отказывались жить. Это были: и спортсмены, которые давились запрещенными препаратами, лишь бы предстать на соревнованиях (или в более никому не нужных мероприятиях) как можно лучше, укорачивая свою жизнь с каждым новым приемом «лекарств», встречал и «эстремалов» (которые, не смотря на естественный отбор, еще оставались живы), которые покоряли самые невероятные вершины без страховки, прыгали с небоскребов и занимались прочей ерундой, которая хоть и давала невероятную дозу адреналина, но зачастую каждый новый трюк мог обойтись ценой жизни, так же встречался и самый распространенный тип «зависимых», которые убивали себя алкоголем или наркотиками, не в силах отказаться от своих привычек, и каждый раз видя как пьют алкоголики я замечал – не они пьют из бутылки, а бутылка пьет из них.

Пока мысли окутывали мое сознание, я не успел заметить, как к нам подошел молодой врач.

– Здравствуй, Кэтти! – Он слегка приобнял ее и вскоре протянул руку ко мне.

Врач Илья выглядел бодрым и энергичным. В его блестящих карих глазах я разглядел такую же целеустремленность, которой обладал сам. Его крепкое рукопожатие полностью отражало его телосложение: хоть он был и невысокого роста, он был весьма коренастым мужчиной среднего возраста, на лице которого еще не успела проступить седина.

– Роберт, да? – Обратился он ко мне. – Моя Алекс о Вас много рассказывала, говорят, вы работаете в полиции?

– Да, скоро будет юбилей и большая выслуга. – Гордо ответил я.

– Такие как Вы – драгоценные кадры для нашей страны, Вас нужно беречь. Вы, наверное, столько уже спасли?

– Наши профессии схожи, док. Мы оба, в каком-то смысле, спасаем людей.

– Это да. Пройдемте за мной, в мой кабинет и побеседуем. – Он жестом пригласил нас проследовать за ним. – Робби, могу я вас так называть? – Ласково спрашивал он.

– Вполне, док.

– Илья, побереги рабочий этикет для других пациентов – Вмешалась Кэт. – Все же свои!

– Это точно. – Добродушно сказал доктор, открывая дверь перед нами. – Все свои, все как родные. Друзья Алекс – мои друзья и я постараюсь Вам помочь всем, чем только смогу. Робби, садись на кушетку.

Я последовал указаниям доктора и вскоре оказался на мягком кожаном диване, который находился в центре просторной комнаты. Лучи осеннего солнца трепетно падали на меня через открытые жалюзи и ласкали мое лицо. С каждым днем оно все меньше дарит нам свое тепло, готовя нас к непроглядной и холодной зиме, которая подкрадывается совершенно не заметно. На стене, прямо напротив меня, в рамках десятками весели почетные награды, дипломы и поздравления для владельца этого кабинета. Все они были демонстративно выставлены на показ – вот они, все труды жизни. Стены, хоть и были такими же голубыми, как и во всей больнице, но воспринимались совершенно по-другому, более уютно и по-домашнему. Весь кабинет был обставлен мебелью и большими горшками с пальмами. Где-то позади меня монотонно бубнил голос диктора с небольшой настенной плазмы. Илья поспешил сесть за широкий стол, жестом усаживая Кэтрин в самом начале комнаты перед небольшим журнальным столиком, на котором лежало чтиво для сопровождающих. Ничего серьезного, только гламурные глянцевого странички.

– Вам удобно?

– Да.

– Расскажите, что вас беспокоит. – Илья вытащил из папки большой белый лист и был готов к диалогу.

Мы долго беседовали. Я довольно подробно описал свое состояние, которое беспокоило меня (а теперь уже и Кэт)

на протяжении последнего времени. Иногда в разговор влезала и Кэтрин (она старалась помочь и не упускала своей возможности), дополняя картинку в тех местах, которые вылетели у меня из памяти. Мы словно собирали мозаику, крупинцы которой были моими воспоминаниями, приправленными с сиропом из жалоб. В рассказе я упомянул и то, что вижу, когда просыпаюсь совершенно в других местах, и что чувствую, когда «вот-вот» отключусь, рассказал о детстве, с трудом поведал о страшной аварии, которая на долго оставила своей след на моем сердце. Стараясь не упустить ни малейшей детали, я вдавался во все подробности. Я говорил искренне, не понимая, верит мне доктор или нет. Когда речь зашла о том, что многие из «снов», которые снились мне в детстве, сбылись, Илья слегка скептически изменился в лице.

– Вы утверждаете, что вы в каком-то роде видели будущее, когда были ребенком? Вы же понимаете, Робби, что это просто совпадение.

– Док, все сбылось. Я не знаю, как это объяснить.

– Случайность и совпадение, вот, например, что точно Вам, кхм, тебе снилось? – Илье было сложно перейти на «ты».

– Я не верю в случайности. – Сказала Кэт. – Роб, почему ты мне об этом раньше не рассказывал?

– Я не придавал этому значения, но теперь мне страшно. Первый сон был, когда я был в младшей школе. Класс точно

не скажу. Я как-то заснул на уроке рисования и в своей голове смутно увидел, как умирает мой преподаватель. Проснувшись я долго плакал и просил ее перестать курить.

– И? – Перебил Илья.

– Она меня отчитала. А через год она сгорела в собственной кровати из-за непотушенной сигареты. – Меня слегка злило его недоверие.

– Это вы из некролога узнали? Робби, я не знаю, как это объяснить, но это определенно совпадение. Никаких видений, никаких экстрасексов (он почему-то посчитал смешным исказить это слово) не существует.

– Она умерла именно так, как я и видел. – Меня начал переполнять гнев. – Черт, да я говорю правду.

– Робби, у тебя – Доктор уже перешел на «Ты». – хорошее воображение. Считайте, как хотите. – Он встал и протянул мне листок, который был напроочь исписан беглым неразборчивым почерком, который обычно понимал только узкий круг медперсонала – Робби, вот вам, точнее, вот тебе направление на анализы. Я бы хотел посмотреть, что из этого выйдет. То, что ты страдаешь некой формой амнезии – уже сигнал к лечению. А также я бы крайне рекомендовал тебе остаться у нас на недельку-другую.

– Робби, что ты думаешь? – Спросила Кэт, переводя на меня взгляд. – Боже, у тебя опять течет из носа кровь! Милый!?

Она подбежала ко мне, но я больше не слышал ее. Звон,

словно из раскаленной пламенем преисподнии, снова заполнял меня, полностью поглощая и обволакивая непередаваемой болью. Размыто видя, как ко мне подбежал Илья, я боролся с собой, чтобы остаться в сознании и опять не потерять счет времени, оказавшись по другую сторону жизни. Силы во мне угасали, как и надежда, чтобы сопротивляться. Я попытался встать, но, потеряв контроль над своим телом, с грохотом приземлился перед столом доктора и закрыл глаза. Я снова проиграл.

– Робби-Добби, ты дурак!

– Сам такой! – Окликнул я.

Пробуждение №4

Все было как во сне. То, что видел я, казалось, было пережито мной невероятно давно. И теперь мне стоит пережить это снова. Передо мной играла картина, точно я находился на новой премьере, настоящий спектакль, а мне предстояло быть ее наблюдателем.

Стоял весенний день, когда отец вывез нас с Томом (моим младшим братом) на рыбалку, почувствовать вкус настоящей мужской вылазки. Будучи заядлым рыбаком, покидающим нас каждую пятницу по воскресенье, О «Брайан старший» (так его называли у нас в семье, иными словами – мой отец Ричард) решил приучить нас к своему хобби, к которому изначально у меня возникало одно лишь отвращение. Все утро мы провели в дороге, в которой нас умудрилось нехило укачать, и весь путь мы судорожно смотрели только вперед, держа бумажные пакеты перед собой. Голос Ричарда (я всегда его называл по имени, относясь к нему, как к лучшему другу, хоть он и иногда перебарщивал с излишне надменным отношением к нам) пытался нас подбодрить и наставить, но дорога была слишком ухабистая и неровная, что, подъезжая к нашей запланированной точке «высадки», я не выдержал и вывернул содержимое своего живота в подготовленный пакет. Это было на редкость мерзко и ужасно. По всему салону автомобиля распространился неприятный

запах, который еще больше усугублял ситуацию. Меня вырвало вновь.

– Вонючка Роберт! – Так называл меня Томми остаток того дня, пока не придумал прозвище пообиднее.

Ричард был высоким жилистым мужчиной, обычно на несколько дюймов выше любого собеседника. Свойственно своему росту с детства увлекался спортом (баскетболом и волейболом) и почему-то рыбалкой, которая надолго (как оказалось в последствие на всю жизнь) запала ему в душу. Рост давал ему невероятное моральное превосходство, поэтому он был властолюбив (мне всегда стоило у него поучиться), своенравен и при этом невероятно спокоен, как удав. Вывести его из себя было трудно, а самое главное, если до этого, конечно, доходило – опасно. Его всегда все слушались, лишь стоило ему «отдать приказ» или о чем-то попросить. Он был для нас примером для подражания и настоящим кумиром, в котором мы старались видеть только добро, несмотря на его недостатки: женщины и ром. Что касается второго, то с этим недугом помогал ему бороться мой старший брат, утаскивая бокал-другой в свою комнату, когда у него собирались друзья. Однажды, когда я заметил, как Аллен переливает алкоголь Ричарда себе в стакан, то онемел от такой корысти и бессовестности. Боясь наказания, я было ринулся к Мэри рассказать о случившемся, но уговоры моего брата убедили меня промолчать и остаться его другом, который был мне так дорог.

Одно из зол отца сворачивало на другое, подтягивая за собой проблемы, от которых потом было трудно избавиться. Однажды, как сказала мне моя мать, они чуть не развелись, когда она узнала, с кем рыбачил мой отец. Разговор, с которым подошла ко мне Мэри, я так и не смог понять до конца, пытаюсь разобраться в их взаимоотношениях. Она то и дело обрывалась на полуслове, искореняя «плохие» слова из своего рассказа, теряя нить самой сути. Мэри хоть и обвиняла Ричарда в чем-то, чего я не понимал, но при этом выставляла его в хорошем свете. Но закончив свою речь, успокоив меня тем, что семья дороже всего, она все простила моему отцу, со слезами поцеловав меня в мой лоб. А грехи, надолго запавшие мне в душу, тревожили меня еще долгое время, пока я не понял окончательный смысл материнских метафор. И с кем это он тогда рыбачил?

Когда мы приехали, нас ждала большая и просторная поляна, нагромождённая морскими валунами вдоль береговой линии. Казалось, что все камни, окружающие нас, были следом внеземной цивилизации, поспешно покинутую Землю. Мое детское воображение яркими красками дорисовывало картину инопланетного вторжения, оставившее свой нелепый след.

– Мальчики. – Сказал Ричард. – Пока я буду разгружать машину вам следует накачать лодку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.